

Литература:

1. Рытов А.В. Интернационализация высшего образования Республики Беларусь: проблемы и перспективы // Высшая школа. – 2017. – №2.
2. Канашевич-Адыгезалова Д.А. Из опыта регионального учреждения высшего профессионального образования Беларуси по социальной адаптации иностранных студентов. [Электронный ресурс]. – Режим доступа : www.fikio.Ru =?p =2280. – Дата доступа : 18.11.2018.
3. Сильванович В.И. Интернационализация систем профессионального образования как приоритет развития высшей школы: теория и методология // Высшая школа. – 2012. - № 1.

СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ СРЕДА И РАЦИОНАЛИСТИЧЕСКИЙ ИСТОРИЗМ П. БУРДЬЕ

В.С. Сайганова
г. Минск, БГУ, veros23@yandex.ru

В статье рассматриваются основные идеи П. Бурдьё о рационалистическом историзме, как стратегии социального познания. Анализируется возможность применения критериев научности в социально-гуманитарном познании социокультурной среды. Показана значимость концептов «историзация» и «объективация» в преодолении исторического релятивизма социальных наук.

Ключевые слова: социокультурная среда, поле науки, социальные науки, историзм, объективация, релятивизм.

В последнее время в научной литературе значительно вырос интерес к категориям «социальная среда», «гуманитарная среда», «культурная среда», «социокультурная среда». Вводя эти понятия, ученые расходятся в их содержательном толковании и предлагают разные методологические подходы.

Многие современные исследователи, выявляя существенные характеристики социокультурной среды, обращаются к методологическим основаниям своеобразной социальной теории П. Бурдьё. Согласно его теории, общество состоит из определенных «практик» как способов действий индивидов и коллективов. П. Бурдьё рассматривает практики как что-то среднее между простой реализацией культурных правил и результатом индивидуальных импровизаций. Такая практика является «стратегическим действием», благодаря которому в границах культурных убеждений, знаний и присущих человеку способов их реализации решаются жизненные проблемы, но при этом нарушаются правила. Люди действуют всегда в условиях неравновесия, а примеры поведения, которые им предлагаются, не всегда являются удачными и зачастую они полны противоречий. В практиках находит отражение присущий той или иной социальной группе «габитус» (*habitus*) – полуавтоматический, не до конца осознанный стиль поведения, который сформировался в результате прошлого жизненного опыта. Он закодирован в мышлении, а также в движениях тела, физических возможностях и привычках людей. Изменения в обществе не могут не коснуться и этого «габитуса», который особенно отличается сильной инерцией.

Люди действуют в границах разных институциональных полей (например, в сфере образования, науки, бизнеса и др.), которые различаются определенными культурными правилами, и поэтому существуют различные «габитусы». В каждом из этих полей люди стремятся достичь поставленной цели, при этом они используют свои капиталы: экономический, социальный, культурный. Своими действиями люди передают эти капиталы

от поколения к поколению, обеспечивают воссоздание неравенства, неравное распределение данных капиталов. Кроме этого эти капиталы «навязывают человеку» своеобразные ограничения, деформирующие параметры и способы познания им мира, что ведет к формированию соответствующих взглядов и убеждений, а это сдерживает, по мнению П. Бурдые, развитие человека.

В то же время исследователь считает, что «габитус» не только детерминирует поведение личности и ограничивает действия, но и предоставляет определенную автономию. Ученый, таким образом, подчеркивал двойственный характер социокультурной детерминации относительно поведения индивида, благодаря чему он находится не только в состоянии подчиненного относительно условий социокультурной среды, но и активного субъекта, который способен изменять эти условия, проявляя самостоятельность и реализуя свой личностный потенциал. Независимо от этого «габитус» выступает важным фактором становления человека, его социального взаимодействия (развития социальных сетей).

Применительно к полю науки эти рассуждения П. Бурдые нашли отражение в его идее о совмещении историзма и рационализма в попытке избежать сомнений в научности социальных наук и обвинений их в историческом релятивизме.

П. Бурдые предлагает принцип радикального историзма, с помощью которого мыслится возможным эксплицировать методологические основания социальных наук, как наиболее подверженных опасностям релятивизма и абсолютизма, при этом, не разрушая их научной целостности. Радикальный пересмотр оснований рационального мышления, который может совершить историзм, выступает у П. Бурдые не как угроза для социальных наук, а как универсальная возможность: «...социальные науки могут попробовать избежать исторического релятивизма, связанного с тем, что они суть продукт исторических существ, но при условии, что смогут подвергнуть историзации самих себя» [2, с.23]. То есть риск саморелятивизации социальных наук рассматривается как некая привилегия использовать собственные рациональные инструменты для защиты от собственных причин и следствий.

Впоследствии принцип радикального историзма П. Бурдые именуется «двойной историзацией», так как потребность интерпретировать одновременно исторически и в отрыве от истории в свою очередь диктует необходимость одновременной историзации и познающего субъекта и познаваемого объекта. Такое понимание историзма отсылает нас к теории полей П. Бурдые. Если понимать поле как установленную, учрежденную автономную точку зрения, как порядок, несводимый к принципам и порядку другого поля [3], то поле социальных наук, где, по сути, совпадают субъект и объект исследования, должно сделать предметом исследования само себя. Осуществив, таким образом, объективацию субъекта объективации, то есть двойную объективацию. Например, постигая социальный феномен, необходимо объективировать позицию познающего субъекта и по-новому расположить познаваемый объект в том поле, в котором этот субъект произвел свой продукт.

Объективация субъекта объективации возможна, по мнению П. Бурдые, как рефлексивность, которая понимается не просто как обращение познающего субъекта к самому себе, а как некий ретроспективный анализ исследовательского опыта. Рефлексивность реализуется как «процесс объективации субъекта объективации, применяющий инструменты познания, предлагаемые дисциплиной, чтобы лучше познать того, кто ее практикует, и улучшить его способность действовать в этой дисциплине» [1, с.9]. Таким образом, социальные науки, овладев рефлексивным подходом, при котором одновременно можно быть и субъектом и объектом объективации, связав, тем самым, само исследование со случайностями конкретной истории, могут претендовать на постепенное высвобождение от навязанных им социальных и исторических ограничений.

Очевидно, что двойная объективация сложно реализуема на практике, ибо исследователю необходимо анализировать не только предпосылки, интересы, схемы мышле-

ния и т.д., которые сформировались исторически и благодаря принадлежности к определенному полю, но и специфичность своей позиции в этом поле, то есть находиться в состоянии постоянной «эпистемологической бдительности».

В целом, рационалистический историзм П. Бурдьё предстает как попытка преодоления релятивизма не только социальных наук, но и релятивизма в более широком контексте, с которым столкнулись современные трактовки научной рациональности и рациональности вообще.

Таким образом, особенностью современного этапа развития социально-гуманитарного знания является тенденция к осуществлению его теоретико-методологического синтеза, а также интеграция различных дисциплин в изучении социальных и культурных феноменов. Во втором десятилетии XXI века обсуждение статуса социальных наук продолжает находиться в фокусе научного интереса и общественных дискуссий, постепенно перемещаясь из области специализированного знания, через философию науки и социальную эпистемологию в политику, образование, искусство и другие сферы социальной реальности. В то же время вопрос о критериях научности общественнознания, который так широко обсуждался в конце XX столетия, сделав социальные науки предметом методологического сомнения, продолжает оставаться актуальным. Идея П. Бурдьё о совмещении историзма и рационализма в попытке избежать сомнений в научности социальных наук и обвинений их в историческом релятивизме является одним из вариантов проблематизации и решения данного вопроса.

Литература

1. Бурдьё П. Введение в социологию социальных наук / П. Бурдьё // Журнал социологии и социальной антропологии. – 2004. – №5. С. 8-11.
2. Бурдьё П. За рационалистический историзм / П. Бурдьё // Альманах российско-французского центра социологических исследований Института социологии РАН. – М.: Институт экспериментальной социологии, 1996. – С. 9-29.
3. Бурдьё П. Поле науки / П. Бурдьё [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://bourdieu.name/content/burde-pole-nauki#_ftn1 – Дата доступа: 17.08.2018.

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ЛИЧНОСТИ И СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ СРЕДЫ КАК ПРОЦЕССУАЛЬНОСТЬ

С.Г. Смоляк

г. Витебск, ВГАВМ, SSmoljak@tut.by

Целью исследования является раскрытие сущности социокультурной среды как результата и условия жизнедеятельности личности. Цель конкретизируется в задаче – выявлении механизма взаимодействия личности и социокультурной среды.

Ключевые слова: социальное; общество; социокультурная среда; ценность, процессуальность.

Исследование темы, вынесенной в название статьи, мы начнем с аксиомы: человек является биосоциальным существом и потому в процессе своей жизнедеятельности он взаимодействует одновременно и с природной средой, обычно фиксируемой понятием «географическая среда», и социокультурной средой, под которой понимается совокупность условий жизнедеятельности индивида, порожденных самим человеком в результате его производственной деятельности. При этом следует иметь в виду и тот факт, что природа входит элементом в социальную среду, однако в преобразованном человеческой деятельностью виде – средствах производства, предметах быта.